

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Ничто не вечно
под луной

Галина Владимировна Романова

Ничто не вечно под луной

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131518
Г.Романова Ничто не вечно под луной: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22919-2

Аннотация

Судьба давно отвернула свой прекрасный лик от Али. Началось все два года назад, когда ее мужа посадили за зверское убийство. Аля не может ему простить не столько само преступление, сколько измену. Она одинока и зла. А тут еще шеф и друг Иван загремел с инфарктом, и на фирме, которую она временно возглавила, начались неприятности. Срываюся поставки продукции клиентам. Может, дело в конкурентах? Аля приглашает шефа их фирмы к себе. Но ужин не состоялся. Аля нашла его труп на территории своего особняка. У ментов она на подозрении, а брат убитого поклялся ей отомстить. Но это только горькая прелюдия к посыпавшимся на Алю бедам...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	73
Глава 11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Галина Романова

Ничто не вечно под луной

Глава 1

– Здравствуй, любимая... – Тихий голос Дениса прозвучал у самого ее уха так явственно, так внятно, что Алевтина поначалу даже растерялась. – Эй, Аленька, малышка моя! Ты слышишь меня?

– Д-да... Привет, – она смахнула с себя мимолетное оцепенение и повторила еще раз: – Привет. Ты откуда?

– Все оттуда же, – хохотнул ее супруг и на всякий случай поинтересовался: – Ты, кажется, не в себе, случилось что-нибудь?

Последний вопрос она решила проигнорировать. Если опуститься сейчас до перечисления всех ее последних неудач, то разговор получится слишком долгим и неприятным.

– Да нет... Все в норме... Во всяком случае пока...

– А то голос у тебя какой-то. Я подумал... Н-да... Иван все болеет?

– Да, болеет...

Аля лихорадочно шарила в запасниках памяти в поисках так необходимых сейчас слов, но они отчего-то не находи-

лись. Ну не было их – и все тут! Злость – это да! Это пожалуйста! Это сколько вам будет угодно! Только попросите, сразу получите все сполна...

Словно чувствуя ее напряженность, Денис сам пришел ей на помощь, съехав с опасной темы на нейтральную полосу беспредметной болтовни:

– Как у вас там с погодой? Весна скоро. Тепло, наверное...

– Да, почки набухли, – вяло поддержала его Аля, изо всех сил сжимая трубку, чтобы не швырнуть ее на место. – Ты как там?

– Как обычно, Аль... – Супруг немного помялся и робко попросил: – Ты не сможешь приехать?

Начинается! Нашарив пачку сигарет на столе, она прикурила и затянулась так, что в глазах потемнело. С этой просьбой он пристаёт к ней не первый раз, и она устала объяснять ему, насколько ей сложно это сделать. И дело было даже не в том, что она в настоящий момент не может оставить фирму, дела которой с каждым днем шли все хуже и хуже. И не в том, что Иван был прикован к больничной койке и желал, видите ли, лицезреть ее каждый день подле себя с полнейшим отчетом о текущих делах. А в том, что она не хотела видеть своего супруга. Не хоте-ла – и все тут!!!

– Не молчи, – в тоне Дениса появились угрожающие нотки. – Ответь! Ты приедешь или нет?

– Нет, – стараясь говорить ровно, ответила она, завесившись плотной пеленой дыма, словно он мог видеть ее сей-

час. – Мы уже обсуждали это. Сколько можно?

– А я хочу видеть тебя! Это ты можешь понять?! Откуда в тебе столько черствости?!

И это они уже проходили! Сейчас пойдут взаимные упреки. Затем она распахнется. В сердцах бросит трубку, а ночью будет рыдать от тоски и одиночества.

Нет... Нужно постараться хотя бы раз выдержать эту словесную пикировку. Дать понять ему наконец, что с ее чувствами он тоже должен считаться.

– Аля! Ты слышишь меня?!

О, господи! В его голосе столько страха и безысходности, что проймет любого.

– Да здесь я, здесь. Не нервничай. Лучше расскажи – посылку мою получил?

– Да, спасибо. – Денис облегченно вздохнул. – А я уж было подумал... Извини... Я понимаю – много проблем... Ты, кстати, сейчас чем занимаешься?

– Мастурбирую, – не сдержавшись, съязвила она. – Разговор с тобой настолько заводит меня, что не могу остановиться.

– Ценю твое чувство юмора, – мрачно хмыкнул он. – Если столь велико напряжение, могла бы приехать и расслабиться.

– Лучшего места для расслабона, чем тюремные застенки, вряд ли сыщешь! – перебила она супруга. – А звуки «кукушки» за решетчатым окном должны возбуждать меня, как ничто другое. Я обязательно рассмотрю твое предложение,

дорогой. Обязательно!

– Ладно... – обреченно пробормотал Денис. – Поговорили... Береги себя... Я позвоню...

Он положил трубку, внося в ее душу еще больше смятения, чем прежде. Ей только-только удалось обрести подобие душевного равновесия после его недельного молчания, а тут опять звонок. Ведь она объяснила ему все еще перед судом. Все объяснила! Ясно дала понять, что прощения не будет. И что же она услышала в ответ?

– Только попробуй с кем-нибудь здесь! – прошипел тогда Денис, зло сощутив глаза и дернув бритой головой. – Убью сразу! С зоны достану, сука!..

Затем пошли письма – длинные, пространные объяснения в любви. Алевтина даже не могла предположить, что он способен на подобные дифирамбы. Но Лидка цинично заметила, сплюнув на пол, что похожую ересь ему мог любой шестерка сочинить за пайку чая. Алевтина тогда жутко оскорбилась на ее слова и даже пожалела о своем откровении. Но, поразмыслив, не могла с ней не согласиться. После двух лет совместной жизни, в течение которых ничего подобного за ним не замечалось, вдруг такое словоблудие!..

Придавив выкуренную сигарету в пепельнице, она потеряла мгновенно занывшие виски и, бросив взгляд на настенные часы, решила поехать домой. Работник из нее теперь уже ни к черту, а вот к визиту в больницу ей нужно подготовиться. Ванечка сразу же своим старческим наметанным взгля-

дом определит, что что-то не так. А его расстраивать сейчас нельзя...

Секретарша Оленька откровенно скучала. Подперев кулачком точеный подбородок, она с ленивой грацией сытой кошки покачивала ножкой и на появление начальницы прореагировала лишь слабой, едва уловимой улыбкой, которая могла означать что угодно: от откровенной радости по поводу ее ухода со службы до скептической оценки ее туалета и макияжа. Если честно, то Але было глубоко наплевать на оценку этой куколки, все жизненно важные функции которой сводились к тому, чтобы выглядеть и повелевать (мужчинами, разумеется).

– Вы надолго? – Оленька все же снизошла до вопроса, несколько изменив положение головы, полупочтительно склонив ее.

– Я сегодня вряд ли появлюсь, – тормознув у выхода из приемной, рассеянно ответила Алевтина и похлопала по карманам плаща в поисках ключей от машины. – Если что-то экстренное, свяжись через диспетчера.

Докладывать о своих передвижениях этой размалеванной красавице с наклеенными ресницами ей совершенно не хотелось.

– Вам несколько раз звонили. Линия была занята, – как-то вскользь упомянула Оленька и пошарила на столе в поисках клочка бумаги. – Где-то я записала... Ага... Вот!

Внутренне готовая к очередной неприятности Алевтина

почти не удивилась, прочтя сообщение. Очередной потребитель их продукции просил срочно связаться в связи с возникшими форсмажорными обстоятельствами.

Суки! Аля едва не застонала. Как будто чувствуют все разом, что для их фирмы наступили не самые лучшие времена.

Она приблизительно знала, что кроется за этими форсмажорными обстоятельствами. Да не что иное, как досрочное расторжение договорных обязательств! Неужели правда из нее руководитель ни к черту? Ведь управляла же она фирмой и ранее. Тогда, когда благословенный Иван Алексеевич со своей молодой женой мотался по заграницам. А ее супруг, то бишь Денис, все больше занимался их московским филиалом. Все же было великолепно! Что же могло случиться? Неужели это горе, в которое ее окунули с головой, так сломило ее?..

Подобными вопросами Аля терзала свой разум все последнее время. Она задавалась ими, когда ела. Изводила себя, когда ложилась спать. Мучила, когда принимала душ. Вот и сейчас, встав под обжигающие струи воды, она перво-наперво проанализировала результаты своей деятельности за неделю. Все же правильно. Все регламентировано. От чего же доселе налаженный механизм все же сбоит?

– Ты сойдешь с ума, дорогая! – ответила она самой себе и попыталась отвлечься, разглядывая потолок ванной комнаты.

Если бы Денис увидел, в какие трущобы она перебралась

из их обжитого, уютного дома, то, вероятнее всего, пришел бы в ужас. Но оставаться далее в их семейном гнездышке она не смогла.

Свою холостяцкую квартиру Аля продала, едва выйдя замуж. Деньги вложили в строительство коттеджа, который, к чести мужа сказать, был выстроен и отделан в рекордно короткие сроки. И жили они там припеваючи, и жить бы им еще так же много-много лет, да случилось непредвиденное...

Аля ушла оттуда, едва за Денисом захлопнулась дверь зала суда. Соскребла со всех имеющихся у нее счетов кое-какую наличность и купила на окраине богом забытого района однокомнатную хрущевку.

– Ты совсем рехнулась? – поинтересовался тогда Иван, узнав о ее решении. – Кто тебе мешает жить дома?

– Не хочу! – упрямо качала она головой, уходя от объяснений.

Да и стоило ли объяснять сияющему от счастья Ивану Алексеевичу, какие демоны мучают ее ночами? Что он мог ей сказать? Что посоветовать? Набраться терпения? Или, быть может, постараться забыть? Ну уж нет! Дудки! Простить и забыть такое возможно было, только поселив в душе равнодушие к Денису, а этим она как раз похвастаться и не могла. Она по-прежнему любила его. И хотя любовь эта ничего, кроме муки, ей не приносила и кровоточила до сих пор открытой раной, она не могла его разлюбить...

Чувствуя, что еще немного и опять заплачет, Аля решительно перекрыла воду и, не вытираясь, пошла в кухню. Благословенная рюмка коньяка, как всегда, обожгла горло, немного притупив сердечную боль. Подумав немного над раскрытой бутылкой, она налила себе еще стопку и, боясь передумать, быстро опрокинула и ее. Коньяк сделал свое дело, побежав по жилам мягкой волной, утихомирив душевную неразбериху.

– Теперь можно и в больницу позвонить, – промурлыкала она себе под нос, окончательно решив, что ехать туда сегодня совсем необязательно.

Ивану это ее решение совсем не понравилось. Он пробормотал что-то нечленораздельное, чертыхнулся пару раз и подозрительно поинтересовался:

– Опять коньяк жрала?

– Ну и что? Имею право в конце трудового дня и недели, – беззлобно огрызнулась Алевтина, проходя с трубкой в единственную комнату и безвольно разваливаясь на широченной кровати. – Что за необходимость видеть меня каждый день? Если бы не твоя молодая красавица жена, то я бы заподозрила тебя бог знает в чем...

– Жена, – пробурчал Иван и выругался. – Эта стерва, кстати, тоже третий день глаз не кажет. Отзвонит, посюсюкает, и все. Твари вы все, бабы, вот что я вам скажу!

– Попрошу не оскорблять прекраснейшую половину человечества, – коньяк отчего-то сильнее ожидаемого подей-

ствовал на нее в этот раз, и Алевтина пьяно хихикнула. – Ревнуешь небось, старикашка?

– Заткнись, стерва!

– Ладно, не заводись, – миролюбиво предложила она, уловив в его тоне горестные нотки. – Это я так... От зависти и одиночества...

– Денис звонил? – помолчав, спросил он.

– Да. Поговорили, как всегда. – Затуманенным взором она рассматривала покрытый отвратительными трещинами потолок и все силилась понять: за что обрекла себя на подобное истязание, на эту нищету.

– Поедешь?

– Не-а.

– Понятно...

Иван помолчал немного и приступил к допросу. Отчет, даже в сильно приукрашенном виде, подействовал на него удручающе. Пару раз накричав на нее и тут же поспешно извинившись, он в конце концов согласился, что не женское это дело – тащить подобный воз. Воз, спицы из колес которого вылетают со страшным визгом и с поразительно настойчивым постоянством.

– Еще месяц – и я перехожу в нашу столовую мыть посуду, – мрачно пошутила Аля, накинув на себя край пледа. – Все валится из рук. Не могу я больше. Видимо, несколько лет назад ты ошибся во мне. Я сломалась...

– Чушь! – возразил Иван, но сделал это без былой уве-

ренности в голосе. – Ты просто без мужика устала. Физиология – вещь серьезная. Ты бы там это... Ну... если не хочешь ехать к нему... Снимала бы напряжение как-то... А то одна совсем остервенеешь...

– Ах ты извращенец! – едва не задохнулась от неожиданности Алевтина и тут же захохотала: – Как тебе не стыдно! Грязный, распутный старикашка! Ты что же мне предлагаешь?!

– Да иди ты! – Иван Алексеевич, смутившись, бросил-таки трубку.

Аля еще несколько мгновений хохотала, а потом неожиданно задумалась.

А чем, собственно, плох секс наедине с самой собой? Врачи и те настоятельно рекомендуют прибегать к подобному методу во избежание всевозможных эксцессов в виде венерических заболеваний и нежелательных беременностей от случайных половых связей. Слово-то ведь какое придумали – случайные связи. А если это не случайно, а если это запланировано и осознанно, тогда как это назвать? Соитием по необходимости или сексом по мере надобности? Хотя разницы-то почти никакой. Блуд, он ведь любым словом может быть назван, но блудом от этого быть не перестанет...

Телефонный звонок, ударивший по ее расслабленным нервам, заставил Алевтину подскочить с кровати.

– Алло, – осторожно выдохнула она в трубку. – Слушаю... На том конце провода немного помолчали, затем еле

слышно хмыкнули и почти тут же дали отбой. Понять, кем был звонивший: мужчиной или женщиной – было очень сложно. Мимолетный шелест вздохов, то ли ироничных, то ли горестных, не позволял это сделать. Но звонки, повторяющиеся последнее время все чаще и чаще, стали ее основательно раздражать, если не сказать больше.

– Я говорил тебе, что нечего ошиваться в подобном районе молодой красивой бабе! – обругал Алю Иван Алексеевич в ответ на ее жалобы. – Возвращайся домой. Найми охранника...

Легко сказать – найми! Если дела и дальше пойдут под уклон с таким постоянством, то ей скоро на бутербродах экономить придется. Но о возвращении домой последнее время она стала все же подумывать. Хотя и там она вряд ли бы чувствовала себя в полной безопасности.

Огромный двухэтажный особняк с просторными комнатами казался ей родным и уютным, лишь когда Денис был рядом. А потом... А потом он стал вдруг гулким, пустым и холодным. Жить там и не слышать его смеха, громкого голоса. Не заражаться его безудержной энергией. Не ощущать себя в надежном тепле его рук – это для нее было еще более болезненным, чем воспоминания о том промозглом мартовском утре...

Глава 2

Март Алевтина не терпела. Пусть природа пробуждалась от долгой зимней спячки. Пусть солнце светило совсем повесеннему. Ее это вовсе не вдохновляло. Каждое утро, выходя из дома, она с тоской смотрела на голые ветви деревьев, которые неистово, с отвратительным гулом трепали ветры. Благо еще машина всегда была под рукой и не приходилось тащиться на автобусную остановку по чавкающей кашнице из тающего снега.

– Солнышко! – пищала Оленька в приемной, подставляя искусно заштукатуренное лицо первым теплым лучам. – Какая прелесть!

Аля ничего прелестного в этом не видела. Как раз наоборот. Столь яркое освещение лишь еще больше подчеркивало контрастность грязно-серо-белых тонов, в которые был раскрашен март.

Много позже, анализируя свое антипатичное отношение к этому месяцу, Аля вдруг поняла, что эта нелюбовь, видимо, была заложена в ее подсознании. Она являлась предостерегающим фактором, изо всех сил сигналила ей о том, что беды надо ждать именно в это, а не другое время года...

– Не уезжай, – робко попросила она в тот день Дениса, когда он высвободился из ее объятий и встал с кровати, с хрустом потянувшись. – Давай в другой раз, а?

– Ты что, малыш? Я и так задержался дольше обычного. – Он взъерошил ее волосы. – Ты совсем ручная стала. Двух дней разлуки не переживешь?

– Не переживу, – к горлу подкатил комок, и Аля часто заморгала: – Мне отчего-то тревожно...

– Ты мне эти глупые бабские дела брось! – Он шутливо погрозил ей пальцем и нарочито сурово свел брови: – Ты умная, прагматичная женщина, и всякая трепотня о предчувствиях – это не в твоём стиле.

Он дольше обычного пробыл в душе. Тщательно оделся, остановив свой выбор на новом костюме, ее подарке к Рождеству. И уже на пороге, целуя ее в висок, пробормотал:

– Ты не успеешь глазом моргнуть, как я уже буду дома. Важная встреча, малыш, перепоручить кому-либо нельзя. Потерпи...

Она пыталась терпеть. Видит бог, пыталась. Но все ее попытки были тщетны. Что бы она ни делала, за что бы ни бралась, в голове прочно укоренилась мысль о грядущем несчастье. И поэтому, когда ранним утром третьего дня ее поднял с постели телефонный звонок, она была почти уверена, что новости не несут ей ничего хорошего.

– Да, слушаю, – хрипло выдавила она в трубку, еле добредя до телефонного аппарата на ослабевших враз ногах. – Говорите.

В трубке раздался жуткий скрежет, и затем Иван, забыв поздороваться, тихо попросил:

– Ты только не волнуйся, девочка моя. Только не волнуйся...

– Он жив?! – сипло спросила она. Это было единственное, что она смогла выдавить из себя.

– Он – да...

Это было уже лучше. Если Денис жив, то все остальное не имеет значения. Со всем остальным они обязательно справятся. Сейчас она приедет туда, и все будет хорошо.

Так думала Аля, лихорадочно собираясь в дорогу. Так думала все время пути, изо всех сил давя на педаль газа и с трудом различая дорогу, по которой ехала.

Если бы она знала тогда, что ее ждет! Если бы хоть кто-нибудь сумел предостеречь ее от излишней поспешности! Может быть, тогда и не открылась бы ей вся страшная правда в ее уродливо извращенной наготе. Может, и смогла бы она поверить Денису и простить его со временем. Но Аля приехала в самый ужасный момент...

Гостиница называлась «Подкова». Денис нередко останавливался там, следуя из Москвы домой. Нахваливая прекрасную кухню и обходительность персонала, частенько подшучивал, что неплохо было бы провести еще один медовый месяц в одном из лучших номеров этого гостеприимного отеля. Его машину, сиротливо приткнувшуюся бампером в ограждение стоянки, Алевтина заметила еще издали. Как разглядела и пару милицейских машин, видимо, для пушшего эффекта оставленных с работающими мигалками. Их неоновые

вый свет разрезал утреннюю мартовскую промозглость какими-то неестественными сполохами, порождая в душе ощущение нереальности происходящего.

Подогнав машину вплотную к крыльцу гостиницы, Аля вышла на улицу и медленно поднялась по ступенькам.

– Вам кого, гражданочка? – Дорогу ей преградил усатый старшина, выставив впереди себя полосатый гаишный жезл. – Сюда нельзя...

– Я жена, – просто ответила она и большими глазами посмотрела на него. – Меня ждут...

– Черт знает что! – озадаченно крикнул он и, немного подумав, пробормотал: – Иди, чего уж теперь...

Персонал гостиницы, состоящий в данный момент из администратора, вахтера, дежурного охранника и уборщицы, сгрудился на первом этаже у стойки и о чем-то тихонько перешептывался.

– Где он? – бесцветным голосом спросила Аля, конкретно ни к кому не обращаясь.

Они сразу поняли, о ком речь, и без лишних глупых вопросов указали ей на лестницу, ведущую на второй этаж. Крутые ступени, которых она машинально насчитала двенадцать, были обтянуты красным ковролином.

«Словно в крови!» – опасно шевельнулась где-то непрошенная мысль.

Аля тут же отогнала ее прочь и, закончив подъем, увидела наконец открытую настежь дверь нужного ей номера. Рас-

полагался он в конце длинного узкого коридора. Кругом не было ни души. Медленно, шаг за шагом, Аля преодолела эти несколько метров и, не встретив никаких препятствий в лице радивых служителей закона, вошла в номер.

Негромкий говор шел из комнаты, расположенной слева от входа. Там кто-то ходил, мелькала вспышка фотоаппарата и то и дело слышался возмущенный шепот Дениса. Именно шепот, что удивило ее поначалу. Ивана, который обещал ее встретить, нигде не было видно. Вдохнув полной грудью побольше воздуха, Аля вошла в спальню гостиничного номера и остолбенела...

– Кто это?

– Что вы здесь делаете?

На нее посыпался град вопросов. Сердитые дядьки в мешковато сидящих на них костюмах сверлили ее суровыми глазами, пытаясь заслонить собой что-то, бесформенной грудой лежащее на кровати. Но надо было совершенно не знать Алевтину, чтобы поверить в то, что они способны воздвигнуть на ее пути преграду. Аккуратно, никого не задев, она обогнула мельтешащих и возмущенно вопящих работников спецорганов и вторично остолбенела у бездыханного тела молоденькой, симпатичной когда-то девушки. Первое, что отчетливо бросилось в глаза, – это напуганный, обреченный, остекленевший взгляд. Эта беспомощная застывшая синева не имела ничего общего ни с расплосованным сверху донизу животом, ни с вывернутыми наизнанку внутренностями.

ми, ни с лужей крови, пропитавшей все постельные принадлежности. Быстро скользнув взглядом по истерзанному телу, Алевтина вновь вернулась к широко распахнутым глазам жертвы и едва сдержалась, чтобы не заорать в полный голос.

Как можно спокойно двигаться здесь, измерять что-то, фотографировать, когда эти глаза буквально могут свести с ума?! Господи, да от всего этого можно свихнуться!!! Воистину, люди подобной профессии родились уже заведомо без нервных окончаний...

– Аля... – дребезжащий голос Дениса вывел ее, наконец, из оцепенения.

Она подняла на него взгляд и поняла, отчего его голос вдруг стал тише. Вся шея Дениса была исцарапана острыми коготками жертвы. Некоторые из ран, видимо, были достаточно глубоки и сильно кровоточили. Особенно бросалась в глаза большая рана на кисте, каждый раз, как он пытался что-то произнести, она сочилась кровью...

– Что она тебе сделала? – выдавила Аля через силу. – За что ты ее так?!

Он отчаянно замотал головой и виновато пробормотал:

– Это не я, клянусь! Я не знаю...

– Вот, вот, – довольно подхватил кто-то за Алиной спиной. – Ничего не помню... Не знаю... Не убивал...

– Я не делал этого, – упрямо твердил Денис, не сводя глаз с замеревшей от ужаса жены. – Я приехал один.

– Ага... А барышня прибыла следом. Да не одна, а с целой

батареей бутылок. Еще скажи, что не пил с ней?

Денис замолчал, из чего Але стало понятно – пил.

– И сколько же вы на двоих опорожнили? – поинтересовался другой мужчина, чуть сместившись к окну и что-то внимательно разглядывая в маленьком пластиковом пакетишке.

– Не помню, – прохрипел Денис и обхватил голову руками.

– А за что же так жестоко расправился с шестнадцатилетней девчонкой? Чего не поделили? Выпивку или еще что? – Тот, кто стоял у окна, вложил в свои вопросы столько неприязни, что сразу становилось ясно: дело о преднамеренном убийстве почти закрыто и передано в суд.

– Я не убивал!.. Я не помню...

Опять это дерьмо! Столбняк от увиденного постепенно ее оставлял, сменяясь жуткой яростью и... ревностью. Приблизительная картина произошедшего ей была ясна так же, как и суевившимся в спальне ментам. Да и чего здесь, собственно, непонятного? Опились до чертей. Перешли к завершающей сцене незапланированной встречи – сексу, и что-то здесь у них пошло не так...

– Какое дерьмо! – Она произнесла это громко и отчетливо. Отчетливо настолько, что все присутствующие враз смолкли и, замерев каждый на своем месте, вопросительно уставились на нее. – Какое дерьмо!

Эту фразу она повторила раз, наверное, десять, прежде

чем до окружающих дошло, что у нее начинается истерика. Ногти впились в ладони едва не до крови. Глаза, подобно глазам жертвы, остановились и, не мигая, смотрели прямо на мужа. К слову сказать, видя не его, а так, лишь смутный расплывчатый силуэт. В горле першило то ли от тошноты, то ли от горечи.

– Слушайте, – кто-то обнял ее за плечи и попытался вывести из спальни. – Идемте, я дам вам воды.

– Воды? Зачем? – Аля подняла голову и наткнулась на сочувственный взгляд карих глаз пожилого мужчины в штатском. – Что это изменит?

– Идемте... – Мужчина настойчиво подталкивал ее к выходу. – Здесь вам делать нечего...

Ах вот оно что! Действительно, зачем она здесь?! Что ей здесь делать?! Все главные герои этой ужасно закончившейся истории в сборе, она здесь явно лишняя?!

Вялые обрывки каких-то фраз, радужных эпизодов прожитой семейной жизни тупо толклись в ее голове, пытаются вырваться наружу в образе чего-то четкого и определенного.

Она теперь одна!!!

Ага! Вот оно – болезненное и горькое, мгновенно перечеркнувшее ее жизнь. Это же не что иное, как одиночество. Отвратительная, отдающая могильным холодом обреченность упала тяжелым камнем Але на сердце, да так, что она едва не задохнулась от боли.

– Подождите, – еле слышно попросила она следователя.

Тот ослабил свой натиск и выжидательно уставился на нее. Дальнейшие ее действия были продиктованы скорее инстинктом, а не разумом. Алевтина подлетела к мужу. Дернула его за подбородок кверху, так что рана на шее опять начала кровоточить. И наотмашь ударила по лицу. Ударила дважды. Хлестко, злобно, вложив в этот жест всю горечь, все презрение, которые буквально разрывали ее на части.

– Аля. – Денис даже не пытался увернуться от ее пощечин. Он лишь смотрел на нее взглядом брошенного на произвол судьбы щенка и повторял: – Прости меня, Аля...

Остальное ей помнилось смутно. Ее вывели из спальни. Тут же появился неизвестно где пропадавший до сего времени Иван. Ей наперебой стали совать бокалы кто с водой, кто с минералкой. Один умник, правда, исхитрился сунуть ей рюмку водки, которую она категорически отвергла. И разговоры... Непрестанно звучащий рой голосов, пытающихся что-то доказать ей, в чем-то разуверить, как-то успокоить. Все это слилось в монотонный, трудно различимый гул, которому ей не терпелось положить конец.

– Я ничего больше не хочу! Ни-че-го! – удалось ей вставить во время внезапно возникшей паузы.

Это были последние ее слова. Она встала, вышла из гостиной, села за руль и поехала домой.

Дениса она больше до суда не видела. От всех встреч, на которых он настаивал, Аля отказывалась. Иван Алексеевич землю рыл, чтобы облегчить участь своего молодого партне-

ра. Кое-что ему, правда, удалось: и срок дали невероятно малый, учитывая обстоятельства этого жуткого убийства, и исправительное учреждение было предоставлено исключительно по выбору.

– Там у меня начальником кореш мой давний, – радовался непонятно чему Иван, потирая руки. – Так что Дениска наш будет там как у Христа за пазухой...

Денис, видимо, неплохо *там* обосновался, раз позволял себе еженедельные звонки. Да и по энтузиазму в его голосе о переживаниях судить было трудно.

Но все это проносилось как бы мимо нее, совершенно ее не затрагивая. Да, она разговаривала с ним по телефону. Да, как всякая порядочная супруга, отсылала ежемесячно положенные посылки, но переломить себя, взять и поехать к нему сейчас Алевтина не могла. И хотя с момента заключения под стражу Дениса прошел почти год, боль от потери не становилась менее острой...

Глава 3

Алевтине снился удивительный сон. Скорее и не сон – это было что-то среднее между полузабытьем и явью. Она видела себя совершенно обнаженной, лежащей поверх одеяла. Одна рука безвольно свешивается с кровати, а другая судорожно сжимает угол подушки. Свет уличного фонаря, единственного уцелевшего на этой улице, беспрепятственно проникает в комнату, делая тускло освещаемые им предметы неестественно громоздкими. Ночная тишина нарушается лишь тиканьем будильника в ее изголовье, тихий обыденный звук которого вдруг начинает сбиваться с положенного ритма, обрастая непонятным металлическим скрежетанием. «Видимо, это звук поворачиваемого в замке ключа», – облегченно вздыхает она, поняв наконец природу невнятного скрежета.

«Кто-то пришел», – рождается в голове мысль, которая совершенно не будит любопытства.

Пришелец между тем неслышно входит в комнату и замирает подле ее кровати.

– Ты красивая... – говорит он, не разжимая губ.

– Зачем ты здесь? – задает она вопрос, не испытывая при этом стыдливости и не делая попытки прикрыть наготу.

Мужчина, теперь она точно видела, что это высокий красивый мужчина, склоняется почти к самому ее лицу и тихим

шепотом выдыхает:

– Я вернулся...

Алевтина приподнимается на локте, пытаясь понять – зачем он здесь. Но тело ее вдруг делается безвольным, движения вялыми. Единственное, что ей удастся сделать, – это заглянуть в его глаза. Увиденное мгновенно шибает адреналином в кровь и заставляет замереть от ужаса – там пусто. Нет, нет, не выражение глаз было отсутствующим, а отсутствовали сами глаза. На нее смотрели пустые глазницы жутко скалящегося человеческого лица, узнать которое, казалось, просто невозможно. Но невзирая на гримасу, она его узнала и почти тут же проснулась с диким воплем.

– Ох, господи! – было первое, что выдохнула она, обведя безумными глазами залитую солнцем комнату. – Приснится же такое...

Первым порывом было нестись в ванную, так как часовые стрелки давно указывали на начавшийся рабочий день. Но вспомнив о том, что сегодня суббота, Аля заметно расслабилась.

Чего рваться, коли все ее старания сводятся на нет?! Да пошли они все! Суббота у нее сегодня – выходной день, значит, и она имеет полное право на отдых.

Захочет – в постели проваляется еще часа три, а может, и четыре. Захочет – поедет прогуляться, а может быть, и развлечься немного. Когда она бывала в приличном месте последний раз? Да целую вечность назад...

А захочет – друзей поедет навестить, хотя с последними было сложновато. Их и раньше можно было по пальцам пересчитать, а после того как посадили Дениса, остались два-три близких человека. Один из них, кстати, утюжил сейчас спиной больничную койку и был зол на весь белый свет, а на прекрасную половину человечества в особенности. Второй отбыл в неизвестном направлении, не оставив ни адреса, ни телефона. А третий, вернее, третья, последнее время возымела привычку осквернять любое человеческое действие скотским своим мировосприятием, посему особого желания видеться с ней у Али не было.

Существовала, правда, еще Верочка, с которой она заметно сблизилась, но вот этот ее муж...

Вспомнив о Сеньке, Аля заметно поскучилась. Опять придется вызывать его к себе и отчитывать. На более радикальные меры она пока не решалась, но парень обнаглел окончательно. Если так пойдет и дальше, то придется ставить вопрос о его увольнении. В памяти всплыла одна из его поездок, когда он по неосторожности загубил большую часть груза и, пытаясь оправдаться, начал валить вину на какого-то пьяного лихача, якобы подрезавшего его в самом неподходящем месте. Все ее вопросы о номере машины, об участке пути, о возможных свидетелях так и остались без ответа. Сенька лишь пожимал плечами и озлобленно сверлил ее взглядом из-под белесых ресниц.

«Саботажник!» – не сдержавшись, выкрикнула она ему

тогда, на что он жутко обиделся.

«Я так и знал, что ты меня заподозришь... – Он нервно повернул козырек бейсболки назад. – Кому же, как не мне, отвечать за все твои неудачи?! Кто же еще виноват?!»

Он вышел, громко хлопнув дверью, оставив ее с жутким чувством вины за нанесенное ему оскорбление. Первым желанием было догнать его и извиниться, но что-то ей в тот момент помешало. То ли раздавшийся не к месту телефонный звонок, то ли Ольга-секретарша впорхнула с документами. Но Сеньку она не вернула. А через пару недель история повторилась. И опять, как и прежде, он злился, ничего не в силах объяснить.

– Учти, это последний раз, – сурово предупредила она его.

– Давай, давай, увольняй! – зашипел он, двинувшись на Алю через весь кабинет. – Самое время! Верка только-только смогла забеременеть, после полугода скитаний по поликлиникам, а ты давай, сюрприз ей преподнеси!

И опять Алевтине сделалось стыдно. Ну действительно, чего это она?! Черт с ним, с грузом! Тут вон новый человек того и гляди на белый свет появится, а она со своей меркантильностью. Ладно, как-нибудь выкрутимся.

Ничего себе выкрутились! Это ведь именно из-за него, а не из-за кого-нибудь пришло вчерашнее сообщение о прекращении договорных обязательств...

Нет, Верочку все же стоит навестить. И будет очень даже кстати, если этот настырный конопатый парень, с завидным

постоянством отрицающий свою причастность к неприятностям, будет дома. Неизвестно, как ему, а ей есть о чем с ним поговорить...

Глава 4

Верочка стояла у кухонного стола и осторожными движениями замешивала тесто на пирожки. Начинка, правда, еще не была готова, но это не беда. Пока еще тесто подойдет. Она к тому времени и яблок нарежет, и капусты натушить успеет. Сенечка как раз из гаража вернется.

Но тот пришел раньше положенного времени. Зло запустив бейсболкой в черного кота, тут же обвинившего ему ноги, он тяжело опустился на табуретку возле стола и молча уставился на жену.

– Что так рано? – машинально спросила она, потому что должна была о чем-то спросить. – Хотя сегодня суббота...

– К черту! – выпалил он и угрюмо насупился. – Все брошу к черту!

– Что-то случилось? – не меняя интонации, спросила Верочка. – Ты вроде не в себе?

– Будешь тут не в себе!

Последняя командировка закончилась еще более плачевно, чем две предыдущие. Мало того, что он забыл накрыть на ночь тентом кузов, и в результате большая половина груза была испорчена, так он ухитрился еще и обматерить клиентов, не желающих, видите ли, подпорченный товар у него принимать. А те в отместку за его грубость отказались регистрировать его командировочное удостоверение, и пойдя те-

перь докажи этой кудлатой стерве, где он был и что делал...

– Сенечка. – Верочка задумчиво посмотрела на супруга. – А почему ты не накрыл машину? Дожди передавали повсеместно. Ты и сам говорил, когда в дорогу собирался. Как же так?

– А черт его знает! – Он озадаченно потер затылок и виновато буркнул: – Уснул я... Только-только кофе выпил, что ты мне в дорогу дала, и тут же полнейший провал. Понимаешь?

– Нет, если честно. Кофе готовила тебе я. Мой кофе способен мертвого из могилы поднять, а не усыпить живого здорового мужика. Ты мне чего-то не договариваешь. – Она в сердцах швырнула тряпку, которой вытирала до этого руки, и пошла прочь из комнаты. – Когда решишь в следующий раз мне соврать, то придумай историю поубедительнее, я буду в огороде...

Верочка, его покладистая милая Верочка, ушла, громко шаркнув дверью. А за что, собственно, обижается? За то, что последнее время у него все идет наперекосяк? Так у каждого человека бывают черные полосы в жизни. Видимо, у него как раз сейчас эта самая полоса и заполонила все, застит белый свет. Сенька обхватил голову руками.

Правду ей сказать! А какую ей правду говорить? Ту, что она сочтет за бредни сумасшедшего, или ту, что ввергнет ее в панику и лишит покоя? Не-ет! Он не такой дурак, чтобы волновать свою беременную женушку. Это удел слабовольных

идиотов, ищущих утешения в бабских подолах. Он, Сенька, не из таких. Он и в одиночку справится со всем. Лишь бы эта стервозина ему не мешала. При воспоминании об Алевтине у него задергалось веко на левом глазу. Вот допусти бабу до власти, что из этого получится? Бардак полнейший получится! Что она может своим куриным умом понять? Он, может быть, и рассказал бы ей все по-человечески и про тот отрезок пути, где в кювет улетел, и про номер машины, подрезавшей его, он даже номер случайного свидетеля запомнил, если уж на то пошло. Так она слушать с самого начала не захотела. Глазищи свои немигающие уставила на него и зашипела по-змеиному, стоило ему в кабинет к ней войти.

– С-сс-ука, – едва ли не с отвращением выдавил Сенька еле слышно. – Из-за нее все! И что Денис в ней нашел?!

Дениса ему было особенно жалко. Парится мужик на нарах, а все опять же из-за кого? Опять же из-за бабы! Все зло от них...

– С-сс-ука, – снова прошипел Сенька, скрипнув зубами и едва не подпрыгнул от неожиданности, услышав осторожный шепот над головой.

– Ты звал меня, дорогой товарищ? Вот я и пришла... – Алевтина стояла перед ним, сунув руки в карманы плаща, и вызывающе улыбалась. – Сука, надо полагать, это я? И чем же вызвано столь лестное обращение? Уж ни тем ли, что ты опять нагадил нам в карман? А может быть, это сугубо личностный интерес? Так ты скажи. Я проникнусь. К чему же

фирме свинью за свиньей подкладывать!

– Начинается! – обреченно выдохнул Сенька и кинул взгляд за ее спину. Слава богу, что хоть Верки нет в доме, а то двойного наезда ему не выдержать.

– Нет ее, – понимающе кивнула Аля и, по-хозяйски прошествовав по кухне, уселась за обеденный стол. – Я специально дождалась, пока она в огород уйдет. Не к чему ее расстраивать. А вот тебе... Тебе мне основательно хочется портрет лица подпортить. Ты что же, гад, творишь?! Третья ходка нам в убыток! Если это не вредительство, то как ты это назовешь?

– Злой рок, – торжественно изрек Сенька, вспомнив коронную фразу одного из киногероев-неудачников. – Или судьба. Назови, как хочешь, но я и сам не пойму, в чем дело...

– Только не темни со мной, – Аля постучала указательным пальцем по столешнице. – Мне дерьма без тебя хватает разгребать в этой долбаной фирме. Все будто сговорились: то сырье на брак пустят, то установку разгерметизируют, а это сотни и сотни тысяч рублей, так тут ты еще! Ты хотя бы знаешь, муздак, каких сил нам стоило произвести этот препарат? Представляешь, какие это бабки?! Что я Ваньке скажу?! Я и так тебя покрывала два предыдущих раза!

– Спасибо, – буркнул Сенька. Хотелось ему того или нет, но чувство вины потихоньку начало глодать его изнутри.

– Жене своей спасибо скажи! – отрезала Аля, не смягчая

тона. – Только и милосердствую из-за нее. Правду говорят: скажи мне – кто твой друг, и я скажу – кто ты...

Она совсем не это хотела сказать, но удивительно дело, произнеся это, совсем не раскаивалась. Былая сдержанность и разборчивость в выражениях канули в Лету вместе со спокойной и безоблачной жизнью. И какого черта?! Кто церемонится с ней?! Кто постарался оградить ее от всех, мягко говоря, неприятностей?! Все только валят и валят на ее бедную голову все новые и новые проблемы, не удосужившись поинтересоваться: а каково ей самой?

– Ну! Что скажешь? – зло уставилась она на Сеньку и, к удивлению своему и стыду, обнаружила, что последняя ее фраза, не совсем удачно позаимствованная из народного фольклора, сразила его наповал.

Сенька сжался как-то сразу, словно из него, как из надутного шарика, выпустили весь воздух. Цвет его лица приобрел окрас уличной пыли, скрыв под пепельной серостью россыпь его веснушек. А глаза! Боже правый! Надо было видеть его глаза. И страх, и боль, и недоумение, и растерянность, короче, целая гамма чувств, обозначавших все, что угодно, но только не озлобленность и не вызов всем и вся, а ей в первую очередь.

Алевтина была озадачена. Она, если честно, ожидала увидеть все, что угодно, но только не раздавленного испугом мужика.

– Что скажешь? – осторожно подтолкнула она его на от-

кровение.

– Ты знаешь... – Сенька прокашлялся, прочищая горло, и как-то жалко улыбнулся. – Ты, наверное, права... За все в этой жизни нужно платить... Он погиб страшной смертью, а мы с Веркой счастливы...

– И что? – не сразу поняла Аля.

– Вот бог нас и наказывает...

– Ну а меня-то за что наказывать, по-твоему? – Она скептически приподняла бровь, не веря ни одному его слову. – Каким таким счастьем меня одарил всевышний? Мужа-убийцу послал? Или заведомо убыточное дело вложил в руки, от которого у меня чес идет по всему телу...

– Как это?

– А так! – Она вновь повысила голос и, встав, направилась к выходу. – Что послать все к чертовой матери хочется!

– Так и пошли, – миролюбиво предложил Сенька. – Кто тебя от этого удерживает?

– Да не могу! Идиотское чувство долга и привязанности не позволяют мне это сделать! Понимаешь? Не могу бросить все на произвол судьбы! Не могу бросить этого жалкого старика, раздавленного инфарктом. Не могу выбросить из головы Дениса, хотя он заслужил того, чтобы о нем вспоминали только в преисподней. Даже тебя, дурака, не могу выбросить за ворота. И знаешь почему? – Неожиданная мысль, посетившая ее в процессе столь пафосного монолога, должна была иметь продолжение, и Аля таинственно закончила: – Пото-

му что ты мне что-то не договариваешь... Что-то скрываешь ты, Сеня... То ли боишься кого-то. То ли боишься, что тебя неправильно поймут. То ли затеял какую-то двойную игру...

– Прорицательница, – насмешливо фыркнул Сенька, но глаза от Али старательно прятал, еще не хватало, чтобы она обнаружила там невольное беспокойство, вызванное ее прорицательностью.

– Ладно... – Она приоткрыла дверь. – Я ухожу. И даю тебе времени неделю. Или ты мне все выкладываешь и мы вместе постараемся во всем разобраться. Или...

– Или?!

– Или мне придется отрыть топор войны...

Глава 5

Ребенок плакал, не переставая, вторые сутки. Не помогли ни патронажная сестра, ни сиделка, ни легкое успокаивающее средство, которое настоятельно советовал участковый педиатр.

Маленькое личико сморщилось от боли и приобрело синюшный оттенок. Крепко сжатые кулачки и судорожно подрагивающие ножки, поджатые к животику, не могли вызвать ничего, кроме слез сострадания и растерянности от сознания собственного бессилия перед бедой крохотного создания.

Но Лидочка и не собиралась рыдать. Все мелкие эмоции слились у нее подобно весенним ручьям в полноводную реку небывалого раздражения, безжалостно топя на самом дне души и жалость, и милосердие.

– Сколько можно орать?! – скрипела она зубами, меняя пеленки грудному ребенку. – Что тебе нужно?! Как же мне все это надоело!!!

Разве так ей виделась семейная жизнь с Иваном? Да черта с два! Путешествия, роскошь, подарки... Одним словом, все, о чем она только могла мечтать. Все, что было ей обещано щедрым и состоятельным мужем. Поначалу, правда, все именно так и было. И разъезжали они по свету, посетив многие страны континента и не меньшее их количество за океа-

ном. И шик был во всем этом и такой лоск, что у Лидочки от впечатлений голова шла кругом и дыхание перехватывало. А уж о подарках и говорить нечего. Она настолько привыкла к обязательным покупкам в любом стоящем бутике, что со временем начала принимать все это как должное.

Нет, она, конечно же, ловила порой себя на мысли, что рано или поздно это может закончиться и надо бы заначить себе немного средств на черный день. Но безоблачный небосвод их семейной идиллии не давал к тому никаких поводов, и Лидочка продолжала с завидным аппетитом вкушать все радости дарованного ей счастья. Проблемы, о которых она и не мыслила, начались с рождением ребенка.

Уж как Ванечка радовался, узнав о ее беременности, как радовался! Его телячьи восторги могли растопить лед любого недоверия и растерянности, а уж что говорить о Лидочке, с обожанием в то время смотрящей на мужа.

Но восхитительная атмосфера свершившегося таинства пошла на убыль по мере того, как начал увеличиваться объем ее талии. У супруга мгновенно появились неотложные дела вне дома. Отлучки становились все длиннее, а пребывание в доме подле скучающей от безделья супруги все короче. Вот тогда-то, почти с отвращением разглядывая в зеркале свою изменившуюся до неузнаваемости, идеальную прежде фигуру, Лидочка впервые и призадумалась: а так ли уж ей был нужен этот ребенок. И вообще... Что хорошего в ее браке? Ну пусть обеспечена она и упакована по полной про-

грамме. Пусть заботы о хлебе насущном больше не гложут ее мозг, но удовлетворения-то от этого союза она по-настоящему так и не получила.

Память вкрадчиво пыталась вернуть ее к событиям двухгодичной давности, когда она была готова подметки на сандалиях рвать, лишь бы заслужить благодарный взгляд своего хозяина. Но Лидочка лишь возмущенно фыркала и раздраженно отмахивалась: то было, когда она в работницах у него состояла. Этакая обрусевшая Никита, готовая под кого угодно завалиться и кого угодно под монастырь подвести ради похвалы, приятного шуршания купюр, а может, и адреналина, будоражащего кровь...

Теперь-то она жена! А это все напрочь меняет. Разве могла она, к примеру, предположить, что этот волевой, с виду вытесанный будто бы из камня Иван Алексеевич страдает множественными недугами, в числе которых был такой неблагоприятный, как несварение желудка.

А секс?! Боже правый, разве это секс?! Уж кто-кто, а она-то имеет об этом полнейшее представление. И жалкие потуги супруга под названием «Лидок, пойдем-ка займемся делом» она со временем начала принимать как наказание.

А теперь еще и этот его инфаркт! Увидев впервые мужа в больнице, Лидочка едва не выдала вслух: «Господи! Где были мои глаза!!!»

Иван лежал, распластавшись на больничной койке, и слабо шевелил пальцами. Глаза его были полузакрыты. На лбу

выступила испарина. И впервые за все время их супружества Лидочка вдруг со всей скрупулезностью разглядела, как он стар. Бросились в глаза и старческие пятна на скулах, и покоренные полиартритом суставы пальцев, и донельзя дряблая кожа на шее.

– Лидок... – хрипло позвал он ее и попытался улыбнуться. – Подвел я тебя... Прости...

Она попыталась что-то ответить тогда, но не смогла. Слова сочувственного понимания или утешения в тот момент просто не шли на ум. Волна горестного разочарования захлестнула ее с головой, мешая сосредоточиться на главном – ее муж болен. Потом, конечно, были и угрызения совести, и проблески жалости, не такой уж бесчувственной она была, как могло показаться со стороны, но это все было не то. Со всем не то, что она пыталась наскрести со дна своей души, в которой постепенно воцарялось чувство пустого циничного равнодушия ко всем и ко всему. Этого чувства, господствовавшего в душе во времена ее шальной молодости, она откровенно побаивалась. Ведь никому так хорошо, как ей, не было известно, что таит оно в себе, и какие последствия может повлечь за собой это сокрушающее безразличие...

– Вот так-то вот, – горько выдохнула она, осторожно покачивая коляску, в которой, окончательно измучившись, задремал ее сын. – От чего шла, к тому и вернулась...

Горечь ее была вполне объяснимой: с утра позвонил Иван из больницы и после долгого перечисления всех своих обид

и претензий посоветовал быть поаккуратнее со средствами. У них, видите ли, там неприятности и трудности с деньгами. А какое, собственно, ей дело до всего этого? Он брал на себя обязательства по содержанию семьи? Брал. Вот пусть и раскошелливается! Лето на носу, а ей на улицу выйти не в чем.

Конечно же, Лидочка преувеличивала – гардероб ее был полон еще ни разу не надетых нарядов и на каждый из туалетов имелось по паре туфель, но сердце все равно сжималось от тоски: что-то ее ждет там, впереди...

О сыне, об этом маленьком беспомощном комочке, она в тот момент даже не подумала. Все, что ее заботило, так это собственное благополучие. И еще... как сделать так, чтобы это самое благополучие продлилось подольше.

Осторожный, едва слышный звонок в дверь прервал ее хаотично скачущие прагматичные мыслишки, и Лидочка, для надежности еще пару раз качнув коляску, поплелась открывать дверь.

Алевтина, стоявшая на пороге, не могла не вызвать ее зависти. Вот уж кому действительно все нипочем. Фирма на грани банкротства, мужик на нарах парится, сама при этом более чем в двусмысленном положении, а она знай себе расцветает. И стрижку модную уже успела сделать, и макияж, пусть едва заметный, но от этого не менее подчеркивающий ее очарование, успела нанести, да и плащишко на ней новенький и не на местной барахолке, видно, купленный.

– Чего уставилась, как на привидение? – приветливо улыб-

нулась Аля, делая шаг вперед. – Зайти-то можно? Или здесь будем разговаривать?

– Заходи, – буркнула Лидочка, широко распахивая дверь.

Не оборачиваясь на засуетившуюся с плащом гостью, Лида пошла в гостиную, попутно бросив мимолетный взгляд в зеркало. Занимало оно большую часть стены просторного холла, сработано было кем-то из прославленных мастеров и отображало все с какой-то преувеличенной точностью и доскональностью. Ее собственное отражение, выхваченное из полумрака назойливым зеркалом, Лидочке не понравилось. Да и кому может понравиться изнуренная баба с давно не мытыми волосами и синими полукружьями вокруг глаз? А на что похож ее домашний костюм? Темные пятна на кофточке от пролившегося детского питания. Брюки вытянуты на коленях и смяты до невозможности. А когда-то... Когда-то она была одной из самых высокооплачиваемых девочек проспекта. И чтобы заполучить ее, нужно было заранее созваниваться с ее сутенером. Видели бы они ее сейчас, вот потешились бы! А прошло-то всего ничего, каких-то три с половиной года.

– Спит? – легонько тронула Лидочку за локоток Аля, врываясь в ее мрачные размышления. – Пусть спит. Пойдем куда-нибудь поговорим. Гостинцы я на столике оставила...

Лида молча подала ей знак следовать за ней, и спустя пару минут они рассаживались в глубокие кресла гостиной напротив огромного электрокамина.

– Эко громадина какая, – Алевтина бросила неодобрительный взгляд на бездействующий калорифер. – Наверное, больших денег стоит, да и энергии жрет больше положенного. Твоя наверняка прихоть. А к чему, если у вас отопление? Любишь ты, Лидка, всякие помпезные штучки. Да, в трудные времена нелегко тебе придется...

– А что, грядут трудные времена? – прикинулась та неосведомленной. – Просвети...

Она томно, может, даже излишне театрально изогнулась и, взяв сигарету со столика, прикурила.

– Что же ты, корова нечесаная, куришь?! В доме грудной младенец, а ты ему легкие травишь?! – грозным шепотом набросилась на нее Алевтина. – Сидит, понимаешь, на последней пугало похожа. Жалеешь себя наверняка безмерно. Локти кусаешь да злобу точишь на всех. Так, что ли, Лидка?!

С тех давних пор, когда Лидия ухаживала за раненой Алевтиной и полностью владела ситуацией, минуло немало времени. Перестановка сил сейчас была налицо, и главенствующая роль отводилась Але. Под ее напором и под взглядом ее гневно сверлящих глаз Лидочка невольно стушеввалась.

– Попробовала бы сама! – она огрызнулась все же на всякий случай. – Пацан орет вторые сутки. Я с ног сбилась со всеми этими няньками-сиделками. Мне пожрать некогда. Лекции мне тут пришла читать!..

– Вторые сутки, говоришь? – Алевтина зло прищури-

лась. – А что неделю к мужу не появляешься, кто виноват? Он больной, пожилой человек...

– Пожилой! – против воли насмешливо фыркнула Лидочка. – Он древний старец, милая моя! Древний! И если честно, видеть мне его последнее время что-то уж совсем не хочется...

– Ага! Зато хочется его денежки по соседству в баре вечером спускать. Так, что ли, а?! Хоть и дружны мы были с тобой, Лидка, все это время, но вот что я тебе скажу! – Алевтина поднялась со своего места и нервно прошла по пушистому ковру, застилающему огромную территорию гостевой комнаты. – Не смей обижать Ивана! Слышишь?! Не смей! Он сейчас прежде всего должен стать на ноги, а потом...

– А потом сказать мне: «Идем, дорогая, делом займемся». Так, что ли? А знаешь, что он подразумевает под этим самым делом? Свои отвратительные до мерзости попытки быть мужиком!

– Где же ты была пару лет назад? – Чувство гадливости настолько сильно охватило Алевтину, что она еле сдерживалась, чтобы не вцепиться в волосы этой похотливой дряни. – Или не видела, за кого замуж шла?!

– А ты?! – Лида также вскочила на ноги. – Ты видела, за кого выходила?! Не святоша был твой Денис, далеко не святоша! Разве ты этого не знала?! Так чего же теперь от него морду воротишь?! Подумаешь – плечевую трахнул! Какая беда! Да любой мужик, если он хотя бы чего-нибудь стоит в

этой жизни, имеет свою телку на стороне...

– Так он ее не только трахнул, – подавленно перебила ее Аля, находя в ее попытке оправдаться некоторую справедливость упреков в свой адрес. – Он же ее и убил! Причем зверски!

– Дура ты, Алька! – Лидочка запрокинула голову и демонически захохотала. – Дура и есть! Неужели ты не знаешь своего мужика?! Может, он и способен переспать с кем-нибудь, не отрицаю! Но чтобы так раскроить девчонку... Нет, это не Денис.

– Ты что?! Было же следствие...

– И опять дура! Ментам что нужно?!

– Что? – тупо переспросила Аля, чувствуя, что земля постепенно начинает уходить из-под ног.

– Им нужна раскрываемость! И когда у них под носом труп, рядом ничего не понимающий полупьяный мужик, а все кругом в его отпечатках, то надо дураками быть – искать подозреваемого. Но Денис не убивал. Убийца – кто-то другой, дорогая. Кого-то эта девочка сильнехонько достала...

– Чего же ты так долго молчала? – выдавила Алевтина, еле шевельнув пересохшими губами.

– А кого ты тогда слушала?! Я же несколько раз порывалась с тобой поговорить о нем, а что говорила ты: «Он для меня издох!»...

Что-то подобное действительно происходило. Лидочка ей названивала, искала встречи, просила выслушать, но Аля

была неумолима. Картина страшного зверства перекрывала все самые весомые аргументы. По-хорошему, ей бы обратиться к психоаналитику да попросить диагностировать ее состояние, а еще лучше разобраться в душевных перекосах. Но куда там! Налившиися кровью и ненавистью глаза не позволяли увидеть многое вокруг себя...

– Ладно... – раздавленно выдохнула Алевтина. – Это все прошлое... Ты Ивана не добивай... Он сейчас наша единственная надежда.

– На что? – с горечью спросила Лида, вонзив пальцы в свои растрепанные волосы.

– На то, что он выдернет нас всех из этого дерьма. Одной мне с этим не справиться...

Глава 6

Верочка медленно брела по улице, старательно вдыхая прозрачный майский воздух. Она изо всех сил пыталась отвлечься от тягостных дум, обуревавших ее со вчерашнего вечера, но не тут-то было. Отвратительное ощущение зарождающейся беды подтачивало ее изнутри, словно назойливый червь. Верочка старалась, бог свидетель, не видеть во всем происходящем ничего криминального. Пробовала списать все неприятности на неудачное стечение обстоятельств. Но здравый смысл, коим она всегда отличалась, назойливо советовал ей все досконально взвесить, прежде чем делать такие безответственные выводы.

Да, она еще могла поверить, что в тот злополучный день на трассе Сеню кто-то подрезал, могла списать все на его усталость, плохую видимость и еще какие-нибудь водительские заморочки, мешающие в пути. Но чтобы он уснул после ее кофе... Нет, в это она поверить отказывалась.

Ночью долго лежа без сна и вслушиваясь в беззаботное похрапывание супруга, она приняла решение, которое ей казалось единственно верным. Именно оно заставило ее подняться чуть свет в это воскресное утро и плестись через весь микрорайон на самую окраину, туда, где располагалась больница. В руках у нее была легкая дамская сумочка и пакет, в котором еле разместился большой трехлитровый термос.

Именно его всегда брал с собой Сеня в поездки, и именно его всякий раз наполняла она кофе. Остатки этого напитка до сих пор плескались в небьющейся колбе. Ну не имел Сеня привычки споласкивать опустевшую посудину – и все тут. Верочка искренне надеялась, что эта его манера поможет пролить свет на многие неприятности, следовавшие чередой одна за другой...

– Таня... Танюша... – Верочка осторожно постучала согнутым пальцем в переплет оконной рамы полуподвального помещения. – Выйди, пожалуйста, на минутку.

Татьяна, санитарка терапевтического отделения, по совместительству сторож, вышла через пару минут, зябко пожевываясь и широко зевая.

– Ты, что ли, Вер? Чего это в такую рань притащилась? Чего не спится под боком у мужика? Ладно, заходи...

Верочка поторопилась за Татьяной в приветливо распахнутую дверь черного хода. Та провела ее в подсобное помещение, служившее одновременно и столовой для медперсонала, и местом ночного отдыха для дежурных, и, с грохотом поставив чайник на раскаленную электроплитку, сонно пробурчала:

– Холодина всю ночь. Плитку вон приходится жечь. А к утру голова раскалывается. Да ты проходи, Вер, не обращай на меня внимания. Я когда не выплюсь, то злюсь на весь мир...

Эту особенность, собственно, присущую многим людям,

Верочка за Татьяной отметила еще в те времена, когда лежала в больнице. Та вечно чрезмерно широко размахивала шваброй или нарочито громко двигала стульями, если случалось совмещать одновременно ночное и дневное дежурства. В такие моменты больные прятали носы под одеялами и старались не улыбаться, дабы не разъярить еще больше и без того рассерженную непонятно на что санитарку. Верочка к подобным проявлениям ее гнева относилась спокойно. За долгое время, проведенное на больничной койке, ей удалось разобраться в причинах столь невероятных перепадов настроения и оценить истинное милосердие, которое Татьяна излучала, будучи не очень измотанной...

– Таня, – начала Верочка, пристроившись на кончике стула, стоявшего в изголовье больничной кушетки. – У меня к тебе огромная просьба... Только мне очень нужно, чтобы об этом никто не знал. Вернее, знал, но...

Она замолчала, ступившись от мгновенно широко раскрывшихся Татьянинных глаз, и через паузу продолжила:

– Понимаешь, тут такое дело...

– Ладно, подожди, – пришла ей на помощь сердобольная санитарка, выхватывая с подвесной полки две чашки, сахарницу и заварочный чайник. – Сейчас я чайку организую, а потом поговорим...

Минут через пять чайник отчаянно зафыркал, подбрасывая крышку, и Татьяна разлила кипяток по чашкам.

– Давай сахарку клади побольше, – подбадривала она Ве-

рочку, про себя отмечая мертвенную бледность и слишком уж озабоченный вид гостыи. – Вот... чай вкусный, цейлонский. Валерик со «Скорой» принес. Помнишь небось Валерика-то?

– Помню, – Верочка осторожно отхлебнула обжигающий напиток и сразу же отставила чашку подальше. – Тань, мне особенно некогда чаи распивать. Я для того и пришла пораньше, чтобы не многим на глаза попасться.

– А в чем дело-то? – Вконец заинтригованная Татьяна плюхнулась на кушетку и вся обратилась в слух. – Рассказывай!

– Рассказывать особенно нечего, – начала Верочка, доставая термос из пакета. – У Сеньки неприятности, причем достаточно серьезные. Вопрос может встать о его увольнении. А ты сама понимаешь: я без работы, да он, а скоро малыш на свет появится. Одним словом, с некоторых пор у него все не ладится. Что ни рейс, то катастрофа. А последняя командировка так вообще...

Татьяна боялась дышать, дабы не помешать откровениям немногословной Верочки.

– Вернулся из рейса домой злой, как сто демонов, – продолжила между тем Вера. – Я, разумеется, с вопросами: что, да почему. А он...

– А что он? – громким шепотом переспросила Татьяна.

– А он врет мне в лицо, вот что! – выпалила чуть громче Вера и едва сдержалась, чтобы не заплакать. – Я, говорит,

кофе выпил и уснул.

– Ну и что? Я тоже как кофе с молоком выпью, так глаза будто свинцом наливаются. – Она попыталась немного успокоить Веру.

– С тобой все понятно. У тебя хронический недосып. Ты можешь стоя уснуть, как лошадь в стойле, – отмахнулась та.

– Это точно...

– Да и кофе был черный и крепкий. От такого кофе мертвый поднимется, а он уснул. Вот я и думаю...

– Поняла, – что-что, а в хитросплетениях человеческих судеб Татьяна, повидавшая на своем веку не одну тысячу пациентов, неплохо разбиралась. – Ты притащила мне остатки этого кофе, чтобы я потихоньку попросила девчат сделать анализ.

– Да, – облегченно выдохнула Верочка и с благодарностью взглянула на санитарку. – Тань, сделаешь?

– Думаешь, там что-то не то? – Татьяна встала с кушетки, сунула руки в карманы измятого халата и зашагала по подсобке. – И как ты думаешь, что там может быть? И кто это, интересно, сделал?

– Ну... Не знаю, – Вера в растерянности пожала плечами. – Может, снотворное какое-нибудь. А сделать мог кто угодно. В том смысле, что врагов их фирме не занимать. Ты, наверное, слышала, что на другом конце города кто-то делает попытки воздвигнуть что-то подобное этому предприятию? Так вот запросто могли Сене палки в колеса вставить. Или...

– Или что?! – Татьяна резко остановилась и цепким взглядом общественного обвинителя просверлила раннюю гостью.

– Или он мне врет и делает все эти гадости умышленно, – жалобно предположила Вера.

– Чушь! – отмахнулась Татьяна с плохо скрытым разочарованием. – Зачем ему это?

– Может, это месть? Он же никогда не ладил ни с Ивановом, ни с Алевтиной. Да и с этим... с мужем моим покойным одну компанию водил... – Верочка поняла, что дальнейшие откровения могут повлечь новые вопросы и осеклась. – Я не знаю, что думать! Помоги мне, прошу! Вчера Алевтина была у нас, думала, что я не вижу, как она к дому подъехала. А я в огороде простояла, дав им возможность наговориться. Так вот когда после ее отъезда я вернулась, то на Сене лица не было. И это была даже не злоба, а что-то еще, чему я никак не найду определения.

– Ладно, Вер, все сделаю, – пообещала Татьяна, высматривая кого-то за окном. – Смена моя идет, так что тебе лучше убраться отсюда подальше от любопытных глаз. Кофе на анализ снесу девчатам, а о результатах потом доложу тебе.

– А как?

– Да заскочу по дороге. Не так уж мы далеко друг от друга живем.

Они попрощались, и Верочка поспешила уйти, но все же в дверях она столкнулась с пожилой женщиной, недобро

сверкнувшей в ее сторону темными глазами из-под надвинутого на самые брови платка. Что-то смутно знакомое почудилось Вере в ее облике, но та быстро скрылась в темном коридоре, не дав возможности узнать женщину. Да и слишком серьезные мысли терзали сейчас ее голову, чтобы Верочка вдруг вспомнила незначительный эпизод, происшедший около двух лет назад. Она поспешила домой и, застав своего мужа все еще безмятежно раскинувшимся на кровати, облегченно вздохнула.

Вот и хорошо! И пусть себе спит. Ни к чему ему знать, что она, его любящая жена, вдруг воспылала к нему недоверием. Разве объяснишь Сеньке, что делает она все ему же во благо. Попробуй пробиться сквозь ослепленный обидой разум и втолковать, что во всем происходящем видится ей какая-то слабо прослеживаемая связь. Верочка интуитивно чувствовала своим любящим сердцем, что муж ее на грани каких-то перемен в своей судьбе, и, видимо, перемен не к лучшему. И ее долг, как жены, как подруги, – оградить его от этого. А уж какие способы, какие пути она изберет, о том ему знать совсем не надобно...

Глава 7

Алевтина лежала в своей постели и чувствовала, что еще немного и она сойдет с ума. Первым желанием было завизжать что есть мочи и позвать кого-нибудь на помощь. Но, вспомнив своих соседей, она мгновенно передумала.

Одна из них, подслеповатая глухая старуха, вряд ли с места сдвинется, хоть гори дом синим пламенем. А чтобы откликнуться на верещание «длинноногой шлюндры», как она величала Алевтину при встрече, и речи быть не могло. Вторые – вечно безбожно матерящаяся чета потомственных алкоголиков – еще с вечера отправились в длительную экспедицию на поиски пустой стеклотары. Так что ждать помощи извне было бы по меньшей мере неумно.

Поэтому она лежала сейчас, съездившись под одеялом, и изо всех сил старалась казаться спящей. Ей думалось, что если она притворится спящей и не подаст вида, что отчетливо слышит чьи-то шаги в своей квартире, то неожиданный ночной визитер исчезнет, испарится, как тот ночной сон.

Вспомнив не к месту о недавнем ночном кошмаре, Аля едва не лязгнула зубами. Господи! Вот наваждение-то! Может быть, она снова спит? Может, то сновидение не замедлило явиться, стоило ей закрыть глаза? Но нет. И пальцы свои, судорожно сжавшиеся от ужаса в кулаки, она ощущает. И бибение сердца, норотившего порвать ночную сорочку, слышно,

наверное, даже за стенкой.

Визитер между тем для чего-то заглянул в ванную, отчетливо скрипнув дверью. Ведь он не мог знать, что та слегка поскрипывает несмазанными петлями. Затем потоптался в прихожей и, не удостоив своим посещением ее гостиную-спальню, вышел на лестничную клетку. Входная дверь тихонько лязгнула английским замком, и стало тихо.

Такого страха Алевтина не испытывала, наверное, никогда. Ее представление о себе, как о сильной, бесстрашной личности, способной бросить вызов многим жизненным коллизиям, в корне изменилось в этот самый момент. Она лежала, дрожа всем телом, не в силах заставить себя подняться и закрыть входную дверь на щеколду.

Ну почему она постоянно забывает ее закрывать? Откуда такое ощущение защищенности? От излишней самонадеянности или, наоборот, от чувства собственной ненужности никому? Ведь сколько предостережений ей было высказано Иваном! Сколько раз он говорил, что район неблагонадежный и ее машина и туалеты как бельмо на глазу у завистливой касты бомжей и бездельников, коими кишит здешняя округа. Так нет же! Упрямо дергала плечом и как заведенная повторяла, что ничего не случится. А вот и случилось! Сначала эти дурацкие звонки со свистящим придыханием в трубке. А теперь и странный, необъяснимый визит. Зачем он приходил? Но кто же это мог быть?..

– Да кто угодно, дура! – злобно закричал на нее Иван на

следующий день, приподнявшись на локтях. – Кто угодно!!! Тебе что, жить надоело?! Да эта гвардия за твой телевизор да за пару твоих цацек тебе шею раскроит от уха до уха!!! Идиотка!!!

Справедливость упреков была очевидной. Правда, она еще с утра приняла решение перебраться в свой дом, но для начала решила поделиться ночными страхами с Иваном. Поделилась! Тот с полчаса обрушивал на нее свой праведный гнев, не скупясь в выражениях.

– Что я Денису скажу, если тебя попользуют какие-нибудь уроды, а затем оттащат на свалку городскую с оторванной головой?!

Такой леденящий кровь и душу случай произошел недавно в их городе. Правда, жертвой оказалась нигде не работающая наркоманка, но...

– Им плевать, кто перед ними, – упредил Иван ее дальнейшие оправдания. – Им надо на что-то жить...

– Слушай, Иван, – с некоторых пор они перешли на «ты». – А ты не находишь все это странным?

– Что? – не сразу понял он.

– Сначала это... – Она долго искала подходящее слово, но, так и не найдя, выпалила: – Происшествие с Денисом. Потом разного рода неприятности на фирме. Эти звонки... А теперь еще и визит вежливости. У меня такое чувство...

– Что кто-то специально все это затеял? – подхватил Иван, недобро ухмыльнувшись. – Тогда кто? Конкуренты толь-

ко-только фундамент заложили, им еще раскручиваться года два, прежде чем они решатся на подобные забавы. Маньяку такое не под силу – слишком крупномасштабная операция. Не-ет, девочка моя, это все на современном сленге называется непруха...

– А может, Сенька? А что? – Увидев его поползшие вверх брови, она продолжила: – Не зря говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

– Ты хочешь сказать – месть за погибшего дружка? А зачем ему это? Я его простил. К тому же дружка его убила его же баба, а не мы.

– Ага! А бабок он каких по нашей вине лишился! И целлофаном меня обматывал, когда эта покойная гадина меня пристрелить хотела. Спокойно так, знаешь, меланхолично. Словно не к смерти человека готовил, а к обряду миропомзания. Мне кажется, что ему все равно: курице голову оторвать или человеку. И дерзит, поганец!

– Ну... Не знаю, что и сказать. – Ивана, кажется, все-таки заинтересовали ее слова. – На всякий случай присмотреть надо за парнем. Может, он нам и даст ключик к разгадке. А то что-то и вправду слишком много неприятностей. И слышишь, Аля... Ты бы прощупала этих конкурентов. Осторожно так, ненавязчиво. Ну не мне тебя учить. И главное – осторожность! Береги себя, девочка моя.

Алевтина наклонилась и чмокнула пахнущую стерильной чистотой больницы щеку Ивана. Ее удивило, что за все вре-

мя ее визита он ни разу не спросил о Лидии. Удивило и обрадовало одновременно, потому как врать ему она не могла, а сказать правду было и того хуже. И поэтому, когда, попридержав ее за руку, он пытливо уставился ей в глаза и со своими собственными ему прежде жесткостью и силой спросил:

– Ну что глаза прячешь? Чую, сучка моя с катушек все-таки съехала?

Она не смогла ничего более придумать, как, обреченно качнув головой, выдохнуть:

– Да...

Глава 8

На удивление ласковое майское солнце вселяло в душу умиротворение и заставляло верить, что все плохое в жизни – это не что иное, как пыль под ногами, которую Сенька небрежно вздымал кроссовками, пересекая грунтовую дорогу. Мысли лениво перекатывались, не желая ворошить дурное и упорно продвигаясь в направлении будущего.

А оно ему виделось радужным. Верка родит сына. Пусть даже и дочь, все равно, лишь бы все обошлось нормально. Крыша над головой есть. Огород прокормит, если что...

При воспоминании про «если что» состояние безмятежной эйфории пошло на убыль. И надо бы не думать об этом, да как можно? Алька зубами скрипит. Верка опять же искоса посматривает. Бросить, что ли, все к чертовой матери? Взять вот так запросто и бросить! А что?! Чем не выход из создавшегося положения? Плевать ему на их проблемы. Подумаешь, фирма терпит убытки!

Сенька фыркнул и качнул кудлатой головой. Она, эта их фирма, и раньше убытки терпела. Обворовывали друг друга кто только мог, не говоря о подпольном производстве наркоты, которое его покойный дружок развернул на широкую ногу. И ведь ничего, выкрутились. Так что же ему-то голову забивать? Надо просто гордо повернуться и уйти, пока дело не зашло еще дальше...

От перспективы такого легкого избавления от проблем, черной тучей нависших над его бедной головой, Сенька вновь заметно повеселел. Он вышел к остановке и, дождав-шись нужного ему номера автобуса, прыгнул на подножку. Решение посидеть в любимом баре пришло как-то само со-бой. Последнее время ему сильно не хватало чисто мужского общения, а там он надеялся встретить кого-нибудь из старых приятелей и за кружечкой-другой пивка предаться беспред-метному разговору.

Бар «Колос» располагался в четырех остановках от Сень-киного дома. В это воскресное утро там было почти пусто. Трое длинноволосых парней у стойки, ошалевшая от похме-лья девица за столиком у входа да четверо полупьяных му-жичков, успевших к этому времени уставить почти всю пло-щадь стола пустыми бутылками из-под пива.

Повнимательнее присмотревшись, Сенька узнал в одном из них бывшего охранника, работавшего пару лет назад в их фирме, и смело взял курс на их столик.

– Здорово, мужики!

Те скользнули по нему мутными глазами, молча кивнули и почти одновременно указали на пустующий стул.

– Ты давай водочки для начала, а то мы с тобой не на рав-ных, – Андрей, так звали его знакомого, подвинул ему ста-кан с водкой и почему-то невесело хмыкнул.

– Водочки так водочки, – Семен не любил ломаться. Ко-ли пришел сюда, так нечего из себя красну девку строить.

Опрокинув в глотку водку, он поинтересовался: – Давно сидите?

– Да нет... Часа два, – ответил другой мужик и, протянув раскрытую ладонь, представился: – Василий.

– Мы, кстати, о тебе только что говорили... – ни с того ни с сего заявил Андрей. – И тут вдруг ты заходишь...

– А что обо мне говорить? Вот он я, весь на виду, – Сенька ухарски ударил себя кулаком в грудь, но исподволь насто-рожился. – Знаешь ведь, кто на скорый помин является, тот долго жить будет...

– Ой, вряд ли, – Андрей ехидно прищурился. – Вряд ли тебе, Сенька, жить долго придется...

– А что так? – Разговор начинал ему нравится все меньше и меньше. – Ты, что ли, мне скорую кончину пророчишь?

– При чем тут я? Кто я? – Андрей вытянул ноги под столом, не заметив, что задел ими Сеньку. – Тебя сама судьба накажет...

– А за что хоть, можно поинтересоваться?

– Иуда ты, – веско заявил бывший охранник и еще раз повторил: – Иуда!

– Объяснись, Андрюха, – Сенька недобро сверкнул глазами в его сторону и предостерег остальных: – А вы не дергайтесь. Это наш с ним базар. Так почему я иуда?

– А как называют тех, кто друзей предает?

– Я его не предавал, – Сенька мгновенно почувствовал, куда тот клонит. – Я рта не раскрыл. Ни на один вопрос мен-

там не ответил...

– А как насчет бабы его? – вкрадчиво поинтересовался Андрей. – Ее ты тоже не...

– Баба – это статья особая, и тебя она не касается... – Глухая злоба потихоньку начинала закипать у Сеньки внутри, норовя выплеснуться наружу.

– А говорят, что это она его замочила и дом потом подожгла, чтобы все следы, как говорится, в воду. Только тут не в воду, а в огонь получается. – Было заметно, что Андрей порядком захмелел, во всяком случае, объяснение подобной агрессивности с его стороны Сенька видел именно в этом. – Как Олега не стало, так все пошло под откос. Всю нашу смену выгнали со службы. А при чем мы были, а?! Ответь мне?! Вы бабки крутые гребли под себя, а нас с фирмы поперли! Не хреново получается, а?! Я уверен: будь жив Олег, он бы нас в обиду не дал!

– Я здесь ни при чем, – упрямо гнул свою линию Сенька, у которого пропало всякое желание и к общению, и к выпивке.

Но Андрей, казалось, его не слышит. Уставив остекленевшие глаза куда-то поверх его головы, он заплетающимся языком продолжил:

– Представляете, мужики, погибнуть от рук своей же бабы! Да она, Верка эта, всю дорогу была тише воды, ниже травы. Словно собачонка за Олегом бегала. Да и не удивительно – красота был стервец киношной. Не то что ты, Сеня. Уж прости меня, дурака, но твои конопушки ни в какое срав-

нение не идут с его физиономией. Бабы на него, как пчелы на мед, липли. Да и Верка сама на него смотрела с обожанием. Что там могло произойти – ума не приложу?! А труп-то, слышь, Сеня, труп-то обгоревший, говорят, потом далеко от дома нашли. Как это объяснить? Он что, с пулей в груди и с ожогами полз еще с полкилометра? Ох, много загадок! Ох, много, мужики, скажу я вам!

Сенька молчал. И не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что, скажи он хоть слово, сразу с головой себя выдаст. Еще не хватало, чтобы его в ревности заподозрили! Да к кому?! К полуистлевшему трупу! А о том, как этот самый труп оказался так далеко от дома, он и сам не раз задумывался. Черт его знает, что там произошло? Может, кто из современных дуrolомов решил покуражиться. Может, кто из братвы, что маловероятно. А может, и... Верка что не так рассказала.

При воспоминании о жене у него свело челюсть. Неужели и вправду она так Олега любила? А если и сейчас тоскует о нем? Не раз ведь он ловил ее странные взгляды. Смотрит куда-то в сторону, словно сжимается вся внутри, и на все его вопросы лишь плечами пожимает. Догадайся, что там у нее на душе. Сенька, он не дурак был, знал истинную цену своей красоте. Ну не наградила его матушка-природа ни смоляными кудрями, ни черными глазищами, ни кожей гладкой и смуглой, словно у цыгана. Был он рыж, конопат, да так, что и взгляд, казалось, эту самую рыжину излучал. Фигура, прав-

да, не подкачала. Все было в норме: и рост, и мускулатуры полный боекомплект, да и все остальное... тоже в порядке. Но с Олегом... С Олегом ему было не тягаться. Тому стоило лишь голову повернуть, не проронив ни слова, как телки, словно кролики на удава, стойку делали. Вот и Верка...

Тьфу ты, черт! Вот завел так завел Андрюха. И без него тошняка на душе от всего, так еще головной боли прибавил!

А Андрюха словно читал его мысли. Подобрал ноги под стул, он перегнулся к Сеньке через стол и замогильным шепотом спросил:

– А что сейчас-то с тобой происходит, а Сень?

– А что происходит? – стараясь казаться беззаботным, пожал тот плечами.

– Слышал, что ни рейс, то облом...

– Всякое в жизни бывает... – туманно обронил Сенька, подзывая официанта и отсчитывая ему деньги. – А твой-то какой интерес в этом, не пойму?

Последние слова Андрей пропустил мимо ушей и, сделавшись более загадочным, еще тише зашипел:

– За все в этой жизни приходится платить, Сеня, за все! Вот и повернулась судьба к тебе спиной! А то ли еще будет! Слышал, что неприятности твои не случайные, а запланированные.

– Кем же?!

– Это богу известно, Сеня, только ему! И еще слышал, что следят за тобой!

Тут уж, хочешь не хочешь, а взорвешься. Отшвырнув стул в сторону, Сенька вскочил на ноги и, выдернув Андрея за шиворот с его места, заорал:

– Чего тебе нужно?! Кто следит?! Что, это твоих рук дело?! Кто, отвечай?!

– Тише, тише, мужики, – засуетились другие посетители, до сего времени с молчаливым интересом наблюдавшие за их перепалкой. – Ментов сейчас накличете, а нам это надо?

– Кто, ответь?!

– Не знаю я, – сипло выдавил Андрей, трезвея буквально на глазах. – Честно говорю, не знаю. Пацан мой на велосипеде катался и видел, как тебя пасут. Кто – не узнал. Да и машина была с тонированными стеклами и заляпанными номерами...

– Марка! Марка машины!!!

– Черная... Черная «девятка»...

Сенька отшвырнул от себя не на шутку перепугавшегося Андрея и пошел к выходу. Эту машину он узнал бы из тысячи других. Номера в ту ночь он буквально сфотографировал взглядом, прочно укоренив их в памяти. Если только...

От внезапной догадки, подобно молнии полоснувшей его по мозгам, Сенька едва не задохнулся. Как же он раньше до этого не додумался! Что мешало ему сопоставить эти два фактора, которые сами напрашивались на то, чтобы их определили как единое целое?

– Бог ты мой!!! – сипло выдавил Сенька, широко шагая в

сторону автобусной остановки. – И она еще меня допрашивает!!! Теперь моя очередь, дорогуша, сделать это...

Теперь он был почти благодарен Андрею, в столь грубой форме подтолкнувшего его к возможной разгадке. Плевать ему было сейчас на то, что несколько минут назад тот заставил его скрипеть зубами от ревности и мучиться от тягостных воспоминаний. Главное, что пелена наконец-то спала с его глаз и ему открылась правда. Ведь машина Алевтины, с таким пафосом призывающей его к ответу, была как раз черной «девяткой». И пусть номера у нее были другие. И пусть в ту ночь она была дома, потому как своим экстренным звонком он поднял ее с постели. На несколько его вопросов ей все же придется ответить...

Глава 9

– Ты не знаешь, где может быть эта сучка? – Сенька влетел в дом, подобно торнадо, и принялся лихорадочно перелистывать какие-то бумаги на этажерке. – Уже и на квартиру ее успел съездить в этот ее говенный район, и звоню полдня, везде тишина.

– Не знаю, – Вера вяло пожала плечами. – А зачем она тебе?

– Нужна, – отмахнулся от нее супруг. – Так... Где она может быть?

– Позвони диспетчеру, наверняка он знает о всех ее передвижениях, – подсказала сообразительная Верочка.

– Да? Ты гляди, а я бы и не додумался. Нет, Вер, ты порой меня так удивляешь...

Сенька как-то странно посмотрел на нее, что не укрылось от ее глаз, и почти тут же медленно пошел по направлению к дивану, на котором она сидела. Подойдя к ней вплотную, он грубовато схватил ее за плечи и, рывком приподняв, с силой прижал к себе.

– А скажи, Вер, ты меня любишь? – выдохнул он каким-то чужим голосом.

– С чего это ты вдруг? – искренне изумилась Верочка.

Ему же было доподлинно известно, что разговор на эту тему был самым трудным для нее. Не могла она, да и не хо-

тела говорить о чувствах, всю свою жизнь наивно полагая, что говорить об этом совсем не надо. До сего времени Сеня взгляды ее разделял и с подобными вопросами в душу к ней не лез.

«Что-то случилось! – испуганно забилося в мозгу у Верочки. – Неспроста все это, ох неспроста!»

– Чего молчишь?! – подозрительно прищурился Сенька, уловив замешательство в глазах жены. – Кивни, если говорить на эту тему тошно.

– Ты куда-то собрался? – побелевшими губами прошептала жена, уперев ему руки в грудь. – Так иди...

О чем нужно было ее еще спрашивать? Все было яснее ясного. Прав был Андрюха. Во всем прав.

– Жалеешь небось, что пристрелила-то его? – Кровь бросилась ему в голову, пульсируя сильными толчками. – Отвечай! Сука...

– Се-еня, – всхлипнула от неожиданности Верочка. – Ты ли это?! Господи! Что могло произойти за эти несколько часов, что тебя не было дома?! Где ты вообще был?!

– Произойти?! Много чего произошло! Очень много! – Он с силой оттолкнул ее от себя, да так, что Верочка не удержалась на ногах и упала обратно на диван, и, сузив глаза до непроницаемых щелочек, зашипел: – Все вы суки! Грязные, похотливые суки! Зачем ты пришла ко мне в тот день?! Больше дурака не нашлось, чтобы прикрыть тебя?! Зачем жила со мной все это время?! Зачем, мать твою, рожать еще со-

бралась?! Ведь ты же никогда, никогда меня... не любила! Ты смотрела на меня, а видела его! Ты спала со мной, а представляла кого?! Отвечай, сука!!!

И тут, не сдержавшись, он ударил ее по лицу. Несильно так ударил, едва коснувшись кончиками пальцев нежной кожи, но, сделав это, тут же понял, что совершил. Верочка ментально выпрямилась, вскинула голову и посмотрела на него долгим взглядом.

О!!! Он помнил этот ее взгляд! Именно так она смотрела на своего покойного мужа, когда тот решил покуражиться над ней в его присутствии. Глаза ее были полны тогда не ненавистью даже, не болью, а мрачной какой-то решимостью, от которой у него тогда по спине поползли мурашки.

Сейчас было почти то же самое. Сене мгновенно сделалось не по себе. Он, конечно же, не боялся, что его жена извлечет сейчас из кармана халата пистолет и выстрелит ему в голову, как сделала это в свое время со своим бывшим мужем, но ее твердая холодность подсказала ему, что отныне все будет по-иному...

– Ты сделал огромную ошибку, – тихо, но внятно произнесла Верочка, поднимаясь и делая шаг к нему. – Ты это понимаешь?!

Ему бы сейчас упасть ей в ноги да вымаливать прощение, сделать то, что диктует изнывающее от боли сердце. Да как бы не так! Попробуй повернуть вспять разбушевавшуюся стихию разбуженных ревностью страстей! Усмири-ка их

сокрушающую силу как раз в тот самый момент, когда они требуют освобождения. Тут тебе и уязвленная гордость, и оскорбленное мужское самолюбие, и многое другое, одним словом, полный комплект разбушевавшихся чувств, затмевающих собой все доводы трезвого разума.

Верочка смотрела в его наполненные яростью глаза и в который раз за день с ужасом понимала, что совсем не знает этого человека. Волны необъяснимого гнева, изливаемые на нее, казалось, были совсем беспочвенны. Она, может быть, и сделалась бы податливо ласковой, пустив в ход все свое обаяние, и попыталась усмирить не в меру разошедшегося супруга, если бы за полчаса до его прихода ее не сразила наповал забежавшая из больницы Татьяна.

– На-ка вот, держи, – протянула она через порог Верочке ее термос. – И не забивай больше себе голову глупостями. Все там нормально в кофе твоём. Никаких тебе снотворных, никаких канцерогенов. Одним словом, экологически чистый продукт...

Она ушла, внося в душу Верочки полный разлад. Все разом рухнуло, все перевернулось и полетело куда-то в тартарары. Каждое слово Сени в его оправдательных речах имело теперь совсем иной смысл.

Верочка обессиленно опустилась на диван и задумалась. За этими невеселыми размышлениями и застал ее вернувшийся супруг. Первым ее порывом было расспросить его обо всем. Снять с души невероятный груз. Но все ее благие

намерения были разбиты в прах его непонятными выпадами. Не случись визита Татьяны, Верочке, может быть, и удалось бы разглядеть в его агрессивности раздавленного ревностью мужика, но, обуреваемая порожденным недоверием, она этого не рассмотрела.

«Сеня хочет мести! – вот что колотилось у нее в мозгу. – Он ее жаждет!»

И единственное, что ей еще нужно было выяснить, так это почему он хочет мстить...

Глава 10

К этой встрече Алевтина подготовилась основательно. Три часа, проведенные в салоне, того стоили. Утомленные долгим чтением бесчисленных столбцов цифр глаза приобрели загадочный блеск. Кожа лица порозовела, сбавляя ей едва ли не десяток лет.

– Аленька, вы просто красавица, – порхал вокруг нее косметолог Сергей. – Но стоит приходить почаще. Нельзя так безответственно относиться к тому, что даровала вам природа.

– Да уж, – невнятно пробормотала она, не без удовольствия разглядывая свою заметно посвежевшую физиономию. – Кабы сие действо, да во благо...

Сергей, конечно же, мало что понял из ее лепета, но рвение свое удвоил. Что, собственно, и увеличило размер причитающегося ему вознаграждения. Расставшись спустя какое-то время, они остались вполне довольны друг другом. Единственное, что отравляло Але удовольствие, так это истинная причина, побудившая ее навестить салон.

А дело было в том, что она пригласила к себе на ужин новоявленного нувориша их города – Шаталова Виктора Ивановича. Репутацию тот себе, невзирая на свой почти юношеский возраст – двадцать восемь лет, заработал едва ли не за полгода. А начал с того, что скупил в городе всю имеющую-

ся в продаже недвижимость. Налоговые органы, мгновенно учуяв запах жареного, обложили его со всех сторон, замутив частыми визитами в его офис и неожиданными проверками. Но господам мздоимцам пришлось всякий раз уходить несолоно хлебавши. Все было у Виктора Ивановича в ажуре. Кто уж обучал сего предприимчивого молодого человека, кто маячил незримой тенью за его достаточно широкой спиной, того никому не было ведомо. Но факт оставался фактом: парень набирал обороты со страшной скоростью. Уже функционировал в городе его мини-хлебозавод. Кормил горожан изысками, причем по достаточно сходной цене, вновь отстроенный им ресторан. А тут еще пошли слухи о закладываемом фундаменте нового фармкомбината.

Алевтина, может быть, и пропустила бы все эти новости мимо ушей, не случись серьезных сбоев в их производстве. Тут-то она и начала пристальнее приглядываться к Шаталову.

Дело тот начал с размахом, ухнув в него сразу же уйму средств. Откуда, скажите, у человека такая уверенность, что все пойдет как по маслу, если в их небольшом городе уже существует подобное предприятие? Значит, эта самая уверенность чем-то подпитывается и крепнет день ото дня. Одним словом, подумать было над чем. Вот и Иван согласился, что ребят надо осторожно прощупать. А Аля и не думала лезть на рожон.

Долго обдумывать причину встречи ей не пришлось. Тут

сыграл свою роль его величество случай.

Дня три назад пресловутый Виктор Иванович, называть которого по отчеству у нее просто язык не поворачивался, сам заявился к ней в офис и попросил о помощи.

Да, да, именно о помощи. Что-то там не заладилось с транспортом, и он, приложив руку к груди, слезно просил выделить ему взаимобразно пару грузовиков.

Алевтина, поначалу растерявшаяся от такого поворота событий, мгновенно сориентировалась и, отдав нужные распоряжения, приказала принести кофе.

– Если честно, то не ожидал увидеть в качестве управляющего фирмой столь очаровательную леди, – польстил он ей, необдуманно соврав.

В их городе почти каждая собака друга друга знает, а уж о людях, занятых в бизнесе, и говорить нечего. Но Алевтина простила ему эту его наскоро сформулированную ложь и занялась светским трепом. Гость увлекся беседой, поддержал ее и уже менее чем через час напрашивался на свидание.

Алевтина для порядка поломалась, ненавязчиво давая понять, что она женщина, всеми уважаемая и порядочная. На что Шаталов клятвенно заверил, что встреча будет носить сугубо деловой характер.

– Нам ведь есть что обсудить... – загадочно померцал он глазами. – Мы ведь с вами теперь вроде конкуренты...

Алевтина мгновенно напряглась и, умиленно улыбаясь, пригласила его к себе в особняк.

После того ночного происшествия, заставившего ее порядком поволноваться, она съехала с однокомнатной квартиры и вновь водворилась на их с Денисом жилплощади.

– А вы не боитесь злых языков? – продолжил он игру в таинственность. – Я – одинокий мужчина. Вы – почти одинокая женщина...

– Ну почему же сразу одинокая? У меня есть муж... Пусть он сейчас в отъезде, но...

– Но известно, при каких обстоятельствах произошел его отъезд, – Шаталов встал со стула и, перегнувшись через стол, припал к ее руке. – Я буду у вас в назначенное время и очень надеюсь на понимание и... взаимность.

Он ушел, а Алевтина непонятно с чего разволновалась. Это ее волнение, разумеется, не укрылось и от глаз Ивана, когда она его навестила.

– Что это с тобой сегодня? – хитро прищурился он, удерживая за руку, когда она прощалась. – Уж не предстоящая ли встреча тебя так взбудоражила?

– С чего бы это? – попыталась она изобразить изумление. Но Иван, знавший ее не один год и читавший, словно открытую книгу, лукаво ухмыльнулся:

– Говорят, что этот выскочка очень хорош собой... Многих баб с ума посводил... Не боишься с ним наедине остаться? Вдруг что-нибудь там...

– Ну, если это в интересах дела, то почему бы и нет? – с вызовом вздернула она подбородок, мгновенно поняв, куда

он клонит.

– А как же Денис? – Иван заметно погрузнел. – Он ведь любит тебя до сумасшествия. Не звонил?

– Нет, – Аля закусила губу. После той памятной беседы с Лидией она много думала и о многом хотела расспросить его, но Денис не звонил. – Последний раз мы не очень тепло поговорили. Думаю, он обиделся...

– А может, заболел... Или еще что... Может, у них там кадровые перестановки и у него теперь нет доступа к телефону. – Иван начал загибать пальцы, перечисляя возможные причины молчания Дениса.

– Почту еще никто не отменял, – недовольно возразила Аля и попыталась свернуть разговор. – Ладно, мне пора. О результатах визита доложу подробно.

– Ладно, девочка, – Иван миролюбиво потрепал ее по щеке. – Поступай, как считаешь нужным. В конце концов ты молода и... очень-очень красива.

Эта его похвала отчего-то растрогала ее до слез. Ей мгновенно сделалось жалко и Ивана, все никак не оправляющегося от инфаркта, и Дениса, замолчавшего, казалось, без видимых причин, а самое главное – себя.

Господи! Сколько ей лет? В это время у многих жизнь только начинается, а ей кажется, что она уже одной ногой на пороге старости. Ощущение того, что самое главное и хорошее в жизни уже случилось и впереди не будет ничего подобного, было постоянным ее спутником последний год.

Аля съехала на обочину и, уткнув голову в баранку руля, заплакала. Проезжавшие мимо машины отчаянно сигналили ей, но она мало что слышала. В ушах стоял слабый голос Ивана: «Он, говорят, очень хорош собой...»

Шаталов действительно был великолепен. Именно великолепен, потому как вылеплен был всевышним по образу и подобию античной статуи с лицом без изъянов. Он был холеным, движения точно выверенными, речь хорошо поставлена. Одет с этакой светской небрежностью, пригодной на любой случай жизни.

Может быть, именно воспоминание о его ухоженности и заставило ее свернуть в забытый ею переулок и остановиться у стеклянных дверей салона, где прежде она была постоянным клиентом.

Уже много позже, расставляя приборы на столе в своей гостиной, Аля вдруг задалась вопросом: а не кроится ли причина, побудившая ее почистить перышки, в желании понравиться Шаталову? Может, и прав Иван, насторожившись?

Она рухнула на стул и принялась дотошно исследовать темные закоулки своей души. И то, что она там обнаружила, едва не ввергло ее в панику.

– Нет! – прошептала она испуганно. – Нужно отменить встречу!

Алевтина кинулась к телефону и начала тыкать подрагивающими пальцами в кнопки. Ответа, как и ожидалось, не последовало. Монотонный зуммер однозвучно бил в ушную

перепонку, лишая Алю надежды и последних остатков самообладания. И словно для того, чтобы окончательно выбить почву у нее из-под ног, в дверь позвонили...

Глава 11

Сенька был полон праведного негодования. Это надо дожить до такого – собственная баба обводит тебя вокруг пальца! Он за нее голову почти на плаху положил, а она... Прожить с ней два года и так и не разобраться, что к чему!

– Идиот чертов! – скрипел он зубами, мчась вперед, не разбирая дороги. – Поделом тебе! Сопли распустил! Друга, можно сказать, предал!

Последнее-то, конечно, вырвалось у него против воли. Хотя и был ему другом покойный Олег, но Сенька его не предавал. Ну женился на его женщине, но тот к тому времени уже стучался в небесную канцелярию. И не его, Сенькина, вина, что Верка решила пострелять...

– Иди, куда собрался! – в сердцах плюнул он, вспомнив о ее ответе. – Тошно тебе, блин, сказать, что любишь! А может, и не любит вовсе, а?! Может, притворялась все это время?!

Слова срывались с его губ громким шепотом, грозя привлечь к себе внимание окружающих, к тому времени неспешно прогуливающихся по окраинным улочкам их города. Это его странноватое поведение (летит себе парень сломя голову вперед, да еще к тому же что-то бормочет себе под нос) или что-то другое заинтересовало одного из молодых людей.

Стоял тот, привалившись спиной к калитке, и лениво

сплевывал семечную шелуху. Когда Сенька поравнялся с ним, он вдруг нагнулся и стал завязывать неразвязавшийся шнурок, а покончив с этим, медленно двинулся за Сенькой следом.

Какое-то время спустя парень пробормотал что-то себе под нос, довольно улыбнулся и повернул обратно.

Все эти манипуляции остались не замеченными разъяренным Сеней. Пусти за ним хоть полк пехоты, он и тогда вряд ли обратил бы на него внимание. Выбравшись наконец-то за город, он выбрал местечко поуединеннее и, рухнув обессиленно на покрытой шелковистой травой взгорок, обхватил голову руками.

Вот как жизнь круто поворачивает! Все было хорошо, все шло гладко, и тут хрясь, и все – пусто! Ни тебе семьи, ни тебе преданной жены, и как вытекающее отсюда – ни ребенка, которого он желал пуще всего.

«Неизвестно еще, чей это ребенок... – паскудно шевельнулось где-то внутри. – Ты всю дорогу в рейсах...»

Вот уж никогда бы не подумал Сеня, что способен так безумно мучиться от ревности. Все жгло его внутри неукротимым огнем. Дыхание сбивалось, стоило только вспомнить отсутствующий взгляд жены, так и не захотевшей ответить, любит ли она его. Лоб покрылся испариной. Руки подрагивали. Лучше бы ему не ходить сегодня никуда. Понесла его нелегкая в этот бар!

Стоп! А тогда бы он не узнал и о слежке за ним. Вот как

взбудоражила его встреча с супругой, совсем ведь забыл, зачем искал эту паскудину кудлатую. А надо бы наведаться! Надо! Пока весь пыл да злость не вышли. Наверняка она слежку организовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.